

Ответственность интервента за вторжение в чужие договорные отношения в Англии

1 Введение

Вопросы ответственности за интервенцию в чужие договорные отношения (*inducing or procuring a breach of contract*) в Англии поднимались и анализировались в течение нескольких веков и привели к формированию весьма значительного массива судебной практики. В учебниках, посвященным деликтам, при рассмотрении экономических деликтов интервенции уделяются целые главы.

В данной справке будут рассмотрены следующие вопросы:

- поведение интервента, которое считается недостойным правовой защиты;
- отношения, вмешательство в которые влечет наступление ответственности;
- форма вины интервента; и
- последствия привлечения интервента к ответственности и соотношение ответственности должника и интервента.

2 Противоправность действий интервента

Противоправность является негативной оценкой правопорядком определенных действий как не заслуживающих защиты и поощрения; общественные интересы требуют искоренения некоего поведения, оно объявляется противоречащим правовым нормам.

В английском правопорядке практически любое поведение интервента может повлечь за собой деликтную ответственность¹, требуется наличие некоей «побуждающей коммуникации» (*persuasive communication*), которая и оказывает воздействие на должника². Нужно отметить, что при анализе противоправности в Англии исследуется именно само действие интервента: является оно противным защищаемым общественным ценностям или нет³.

Принимая решение о привлечении интервента к ответственности, суд всегда в каждом деле решает, имеется ли достаточное количество обстоятельств, оправдывающих вмешательство, однако нет какого-то определенного перечня, имеющего заранее установленную силу. К числу обстоятельств, которые должны приниматься во внимание, относятся «...природа нарушенного договора, отношения сторон договора, отношения интервента и должника, преследуемая интервентом цель...»⁴.

Интересным с точки зрения исследования обстоятельств, оправдывающих вмешательство, представляется дело, в котором к финансовой организации был предъявлен иск со стороны лиц, осуществляющих сопровождение строительства и предоставляющих консультации по вопросам архитектуры. Договор на осуществление проекта был заключен между истцом и заемщиком-девелопером, последний в силу финансовых затруднений не смог завершить строительство объекта. Сам объект находился в залоге у займодавца. Займодавец, не требуя досрочного исполнения обязательства, самостоятельно пригласил нового подрядчика для сопровождения проекта и отстранил от проекта истца.

Суд не удовлетворил заявленные требования, исходя из того, что займодавец поступил высокоморально, предпочтя обращению взыскания на объект недвижимости самостоятельное развитие проекта, хоть и на условиях привлечения нового подрядчика⁵.

---

¹ Как говорится в деле *Global Resources Group Ltd. v. Mackay* [2008] CSOH 148; [2009] S.L.T. 104, третье лицо может вмешаться в договорные отношения путем «...убеждения, поощрения или помощи должнику в расторжении договора...».

² Подобный акт был признан неправомерным способом воздействия на должника в деле *Lomar Global Risks Ltd. v. West* [2010] EWHC 2878; [2011] IRLR 138.

³ *Jones M., Dugdale A., Simpson M. Clerk & Lindsell on Torts*. 2014. P. 1716.

⁴ *Glamorgan Coal Co. v. South Wales Miners Federation* [1903] 2 K.B. 545.

⁵ *Edwin Hill & Partners v. First National Finance Corp. Plc.* [1989] 1 W.L.R. 225.

Если интервент действует добросовестно (*in good faith*), преследуя, в первую очередь, собственные экономические интересы, и не желая действовать исключительно во вред истцу, то отсутствуют основания для привлечения этого лица к ответственности⁶.

Таким образом, при выяснении вопроса о противоправности поведения интервента правопорядки учитывают, что считается в обществе недопустимым, какого рода мотивы могут оправдывать причинение вреда и роль действий интервента с точки зрения поддержания разумной конкуренции в обороте.

3 Объект посягательства

Для получения защиты от вмешательства интервента договор должен быть действительным. Судебная практика однозначно утверждает, что договор, который не признается правопорядком, сам не порождает никаких правовых последствий, в такой договор нельзя вмешаться, следовательно, невозможно считать основанием для привлечения к ответственности⁷.

Отдельно отмечается, что если договор недействителен в части, это не влияет на то, что в отношении действительных положений вмешательство интервента недопустимо⁸.

Важно отметить, что нарушение любой обязанности повлечет привлечение интервента к деликтной ответственности (отрицается деление обязанностей на главные (основные) и второстепенные для целей определения круга отношений, подлежащих защите)⁹.

Отдельно необходимо остановиться на договорах, которые стороны имеют право расторгнуть в одностороннем порядке (здесь не имеет значения, происходит это вследствие прямого указания закона или в связи с таким правом, полученным в соответствии с договором). Наличествует как практика, допускающая в данном случае возможность наступления ответственности в отношении третьего лица¹⁰, так и отрицающая наличие оснований для ответственности интервента¹¹.

Интересным является дело *Emerald Construction Co. Ltd. v. Lowthian*, в котором интервентом был признан профсоюз, призвавший строительные компании прекратить практику заключения трудовых договоров с определенными работниками, а истцом являлась аутсорсинговая компания, предоставлявшая таких работников строительным организациям. Интервент был привлечен к ответственности, так как сознательно допускал возможность нарушения договоров, не выясняя деталей соглашения. Между тем, в описываемом деле интервент не знал о том, что в договорах содержится право строительных компаний на расторжение договоров, хотя имел возможность ознакомиться с ними.

Считается, что, вероятно, натуральные обязательства тоже подлежат защите, но при этом истец должен продемонстрировать намерение и возможность исполнить договор, в который вмешался интервент¹².

Следовательно, объектом посягательства со стороны интервента может быть действительный договор, или договор, действительный в части; также в некоторых обстоятельствах правовой защите подлежат оспоримые договоры.

⁶ *Jones M., Dugdale A., Simpson M. Op. cit. P. 1734.*

⁷ *Jones M., Dugdale A., Simpson M. Op. cit. P. 1705-1706.*

⁸ *Rickless v. United Artists Corp. [1988] Q.B. 40, CA, 59.*

⁹ Судья Диплок (*Diplock*) предлагал защищать от вмешательства интервента только главные (основные) договорные обязанности (*Merkur Island Shipping Corp. v. Laughton [1983] 2 A.C. 570*), однако впоследствии данный подход изменился на озвученный выше, что поддерживается доктринально (см. *Jones M., Dugdale A., Simpson M. Op. cit. P. 1709*).

¹⁰ *Jones M., Dugdale A., Simpson M. Op. cit. Pp. 1706 – 1707.*

¹¹ *Emerald Construction Co. Ltd. v. Lowthian [1966] 1 W.L.R. 691.*

¹² *Jones M., Dugdale A., Simpson M. Op. cit. P. 1707.*

4 Вина интервента

Анализ данного элемента нужно предварить замечанием о тесной и взаимной связи вины интервента и противоправности его действий как необходимых условий для привлечения интервента к деликтной ответственности.

Практика английских судов демонстрирует, что интервент привлекается к ответственности, и когда доказано, что он желал причинить вред договорным отношениям, и когда выясняется, что делинквент сознательно допускает причинение вреда как возможное последствие своих действий, но не прекращает их (recklessness), то есть при грубой неосторожности¹³. При наличии умысла на нарушение договора для привлечения интервента к ответственности не требуется, чтобы он досконально знал условия договора, нужно фактическое знание о существовании самого договора¹⁴. Грубая неосторожность, то есть сознательное решение не выяснять детали существования договора при наличии возможностей, приравнивается к фактической злонамеренности и влечет наступление деликтной ответственности¹⁵.

Вина интервента в форме неосторожности (negligence) не может служить основанием для привлечения третьего лица к ответственности¹⁶.

Таким образом, для привлечения интервента к ответственности необходимо, чтобы интервент действовал умышленно, а совершение вмешательства по неосторожности не квалифицируется как деликт.

5 Последствия вмешательства и соотношение ответственности

С практической точки зрения важным является вопрос о той мере ответственности, к которой в итоге может быть привлечен интервент. Решение данного вопроса зависит в том числе от взгляда на соотношение договорной ответственности должника и деликтной ответственности интервента. Большое значение имеет вопрос об объеме взыскиваемых с интервента убытков. В Англии проблема обычно ставится именно таким образом, но иногда отмечается, что в качестве негативной реакции на вмешательство интервента может выступать оспаривание (или отрицание правовых последствий) сделки должника с интервентом. При возможности обеспечить принуждение к исполнению в натуре, именно такому способу защиты прав будет отдаваться предпочтение перед взысканием убытков (в случае, если отсутствуют убытки, не покрытые исполнением в натуре).

В английском правовом порядке подчеркивается, что деликтная ответственность за вмешательство третьего лица имеет вторичный характер по отношению к ответственности, вытекающей из нарушения договора, в том смысле, что без нарушения договора не наступает деликтная ответственность¹⁷.

Возмещению подлежат реальный ущерб и упущенная выгода за вред, наступление которого желал интервент¹⁸ или который был предвидим¹⁹, то есть теоретически, если интервент понимал, насколько важен договор для деятельности кредитора, пострадавшая сторона сможет взыскать убытки не только за неисполнение договора, в который вмешался интервент, но и за все предвидимые убытки.

В отношении штрафных убытков в Англии имеется следующая позиция: подобная мера защиты «без сомнений входит в арсенал возможных ответных реакций правового порядка на вмешательство интервента в договорные отношения»²⁰, но должна использоваться в исключительных, особо возмутительных случаях, когда поведение интервента крайне порочно. Если вмешиваясь в договорные

¹³ Stratford & Son Ltd. v. Lindley [1965] A.C. 269 HL.

¹⁴ Square Grip Reinforcement Ltd. v. Macdonald (No. 2) 1968 S.L.T. 65; Merkur Island Shipping Corp. v. Laughton [1983] 2 A.C. 570.

¹⁵ Emerald Construction Co. Ltd. v. Lowthian [1966] 1 W.L.R. 691.

¹⁶ Jones M., Dugdale A., Simpson M. Op. cit. P. 1704.

¹⁷ Carty H. The economic torts in the 21st century. L.Q.R. 2008, 124(Oct), 641-674; OBG Ltd. v. Allan [2008] 1 A.C. 1 at [8].

¹⁸ Lumley v. Gye (1853) 2 E. & B. 216.

¹⁹ Boxfoldia Ltd. v. N.G.A. [1988] I.C.R. 752.

²⁰ Walsh v. Nicholls (2004) 214 D.L.R. (4th) 643 (NBCA).

отношения, интервент преследует только цель заполучить товар, при этом возмещая истцу предусмотренные "разрушаемым" договором неустойки (то есть при отсутствии злого мотива и откровенно бесчестных действий), то интервента не обязывают произвести возмещение штрафных убытков помимо компенсаторного возмещения²¹.

Взыскание убытков с должника в полном объеме делает невозможным удовлетворение требования к делинквенту, и наоборот, что еще раз подчеркивает единоначалие наступающей для них ответственности (похоже, что солидарной) и ее связанность именно с причинением вреда договорным отношениям.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что допускается взыскание с интервента реального ущерба и упущенной выгоды. Руководствуясь компенсаторно-восстановительными началами ответственности (как минимум деликтной), суды стремятся присуждать штрафные убытки только в исключительных случаях.

---

²¹ Delphinium Ltée c 512842 NB Inc. [2008] NBCA 56; (2008) 296 D.L.R. (4th) 694 (NBCA).